(193)

ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ".

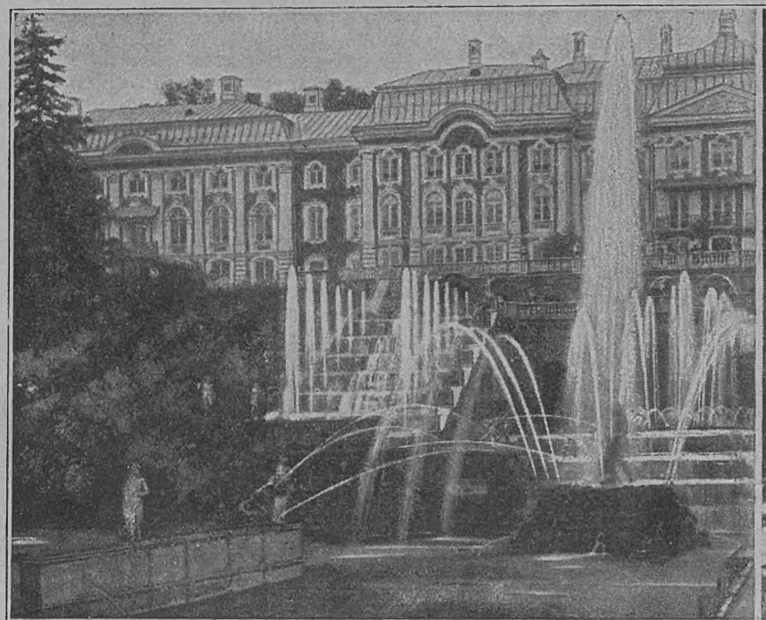
№ 26 25 Пятница, 28 іюня (11 іюля) 1902 г. № 26 25.

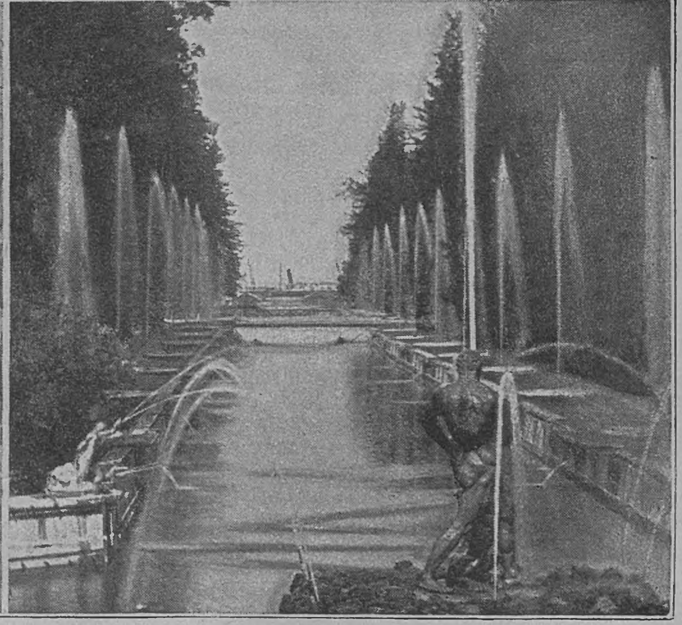

Итальянская королева Елена.

Итальянскій король Викторъ-Эммануилъ III.

Петергофскій дворецъ, гдѣ будетъ имѣть пребываніе итальянскій король. Слѣва — видъ дворца со стороны парка, а справа — аллея, ведущая къ морю.

Къ пріѣзду въ Россію итальянскаго короля Виктора-Эммануила III.

Перепись животнаго и растительнаго царства.

Со временъ императора Августа въ христіанскомъ мірѣ стало обязанностью, въ извѣстные сроки, приблизительно каждые 5 лѣтъ, подсчитывать населеніе земного шара. Подъ этимъ населеніемъ надо понимать лишь самыхъ благородныхъ жителей земли, т. е. людей,— и то съ ограниченіемъ, такъ какъ точный подсчетъ возможенъ лишь въ крупныхъ культурныхъ государствахъ, а въ остальныхъ онъ имѣетъ значеніе лишь относительное. Судя по этимъ переписямъ и подсчетамъ, человѣческій родъ представленъ на нашей планетѣ въ количествѣ 1½ миллиарда индивидумовъ, изъ которыхъ половина приходится на Азію, 360 милліоновъ на Европу, 220 милл. на Африку, 125 милл. на Америку и около 6 мил. на Австралію. Принявъ во вниманіе недостаточную точность этихъ цифръ, можно легко представить себѣ всю трудность, хотя бы приблизительнаго подсчета въ мірѣ животныхъ и растеній: и если взять въ основаніе статистики исчисленіе по народамъ, то надо было бы предварительно склонить господъ ученыхъ къ единогласному опредѣленію самаго понятія о породѣ, а затѣмъ уже приступать къ статистикѣ.

Въ серединѣ восемнадцатаго столѣтія Линне исчислялъ существующія породы животныхъ въ 1,000, а столѣтіемъ позже это число возросло до 130,000 и рости не переставало. По современнымъ даннымъ однихъ млекопитающихся насчитываютъ 2,300 породъ; они распредѣляются на земномъ шарѣ совершенно инымъ образомъ, чѣмъ люди. Такъ, въ Европѣ водится лишь 60 породъ спеціально европейскихъ млекопитающихъ, въ Америкѣ 400, въ Азіи 350, въ Африкѣ 240, въ Австраліи 140.

Птичье царство въ лицѣ своихъ 11,000 породъ опять-таки распредѣляется по другимъ законамъ и сосредоточивается, главнымъ образомъ, у тропиковъ средней и южной Америки. Вообще Америка можетъ похвастать богатствомъ млекопитающагося и пернатаго населенія, которое составляетъ почти половину мірового контингента. Точно так-же и пресмыкающіяся, амфибіи и дневныя бабочки тяготѣютъ двумя третями своей міровой семьи къ тропикамъ. Европѣ и смежнымъ съ ней сѣвернымъ частямъ Африки и Азіи принадлежитъ не болѣе 600—700 птичьихъ породъ.

Рыбное царство представлено въ 10,000 видовъ; изъ нихъ 300 рѣчныхъ; пресмыкающіяся (черепахи, ящерицы, змѣи) 350; жабы саламандры 1,200; раки 8,000, пчелы 2,000, столько же червей, молюски (улитки, каракатицы, раковины и т. д.) болѣе 10,000 породъ. Причудливые иглокожіе (астеріи, морскіе ежи и пр.) 4,000. Число породъ приматовъ не установлено; такъ, по вычисленіямъ однихъ существуетъ 820 породъ корняковъ, тогда какъ по другимъ источникамъ одно изъ подраздѣленій этой породы, лучистое животное или радіоларій, составляетъ 4,318 породъ.

Наибольшимъ богатствомъ отличается, конечно, міръ насѣкомыхъ: ихъ насчитывается отъ 200,000 до милліона видовъ! Однихъ жуковъ насчитываютъ 80,000 видовъ; изъ нихъ 12,000 живетъ въ Европѣ.

Если исчисленіе породъ животнаго царства представляетъ огромныя трудности, то совершенно невозможнымъ былъ подсчетъ индивидумовъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи въ природѣ нѣтъ точности комплекта и насколько рѣдки экземпляры иныхъ породъ животнаго міра, настолько безчисленны, напримѣръ, представители рыбнаго. Большее или меньшее распространеніе данной породы въ извѣстной странѣ стоитъ въ прямой зависимости отъ условій питанія, климата, почвы и пр. Вотъ почему сплоченность животнаго міра растетъ отъ полюса по направленію къ экватору.

Есть только одинъ видъ животныхъ, который возможно подвести подъ статистическіе итоги, это именно домашнія, такъ какъ они находятся въ зависимости не отъ случайныхъ условій, а отъ ухода людей. Въ этомъ и проявляется старая культура: въ самомъ дѣлѣ, Европа бѣднѣе другихъ странъ дикими животными, но неизмѣримо богаче домашними, не только относительно, но и абсолютно. По переписямъ, которыя были произведены за послѣднее десятилѣтіе, видно, что контингентъ домашнихъ животныхъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Такъ, въ 1900 г. получились слѣдующія цифры для лошадей, муловъ и рогатаго скота:

	Лошади и мулы.	Рогатый скотъ.
Азія	1.045,000	77.290,000
Америка .	26.416,000	111.843,000
Австралія .	213,000	973,000
Африка. . .	1.912,000	5,913,000
Европа. . .	42.724,000	114.032,000

Для овецъ, козъ и свиней получились слѣдующ я цифры:

	Овцы и козы.	Свиньи.
Азія	60.584.000	932,000
Америка . . .	134.761.000	47.923,000
Австралія . .	20.244,000	225,000
Африка . .	45.731.000	535,000
Европа. . .	206.443,000	56.819,000

Теперь, если мы обратимся къ области растеній, то намъ откроется, широкій просторъ для, такъ называемыхъ, „круглыхъ“ чиселъ. Ученые ботаники такъ мало согласны между собой, что одни насчитываютъ 150,000 родовъ, а другіе чуть ли не 400 тысячъ.

Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что по индивидуальности растительный міръ уступаетъ животному, а по числу родовъ далеко превосходитъ его. Если принять за среднее 200,000, то половина изъ нихъ придется на цвѣтущія растенія. Территоріально эта масса раздѣляется неправильно. Тѣмъ не менѣе и здѣсь мы встрѣчаемъ такой же наростъ родовъ и индивидуальности по мѣрѣ приближенія отъ полюса къ экватору. Если географическая широта имѣетъ въ этомъ отношеніи очень серьезное значеніе, то извѣстное вліяніе принадлежитъ и долготѣ, такъ какъ одни растенія предпочитаютъ западное полушаріе, а другія восточное. Изъ 100,000 — 120,000 цвѣтущихъ растеній 7.000 едва ли приходится на землю, примыкающую къ Средиземному морю и только 4 0 на крайній сѣверъ (Гренландія и др.). Девять десятыхъ всѣхъ цвѣтущихъ растеній принадлежатъ тропикамъ, и въ этомъ отношеніи одна Капская земля втрое богаче Германіи. Но въ этомъ распредѣленіи по земному шару наблюдается строгая соразмѣрность между родами, такъ что по Гумбольдту достаточно знать, какъ велика наличность злаковъ или стручковыхъ растеній, чтобы съ большой точностью опредѣлить количество и качество всей флоры въ данной области. Такъ, напримѣръ; въ среднемъ поясѣ Европы злаки составляютъ $^1/_{12}$ всего растительнаго царства; стручковыя $^1/_{18}$; къ сѣверу они быстро убываютъ и между 67 и 70 параллелью составляютъ лишь $^1/_{35}$ общей растительной площади; напротивъ къ экватору они размножаются и между 0 и 10^0 равняются $^1/_{10}$ всѣхъ растеній. Есть и исключенія—мхи и лишаи, но они лишь подтверждаютъ правило, изъ котораго не изъемляется и близко родственный имъ папортникъ. Точно также къ экватору стремится и второе большое подраздѣленіе однолопастыхъ: пальмы, лиліи, орхидеи и наибольшаго расцвѣта достигаютъ сѣтчатки или двулопастыя растенія, которыя съ $^1/_{100}$ (сѣверный полюсъ) и $^1/_{80}$ (умѣренный поясъ) достигаютъ тамъ до одной пятой растительной площади.

Таковы тѣ немногія данныя, которыя даютъ право надѣяться, что съ прогрессомъ науки и эта загадочная область статистики откроется для пытливаго человѣческаго ума и облегчится познаніе тѣхъ законовъ, которыми, несомнѣнно, регулируется міръ животныхъ и растеній въ количественномъ и качественномъ отношеніи.

Раскопки въ Римѣ.

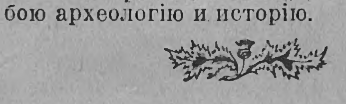
Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ производятся въ Римѣ на мѣстѣ древняго форума раскопки, за которыми слѣдятъ съ напряженнымъ вниманіемъ итальянскіе ученые, а также многочисленные иностранцы, проживающіе въ Римѣ. Раскопки начаты по иниціативѣ молодого археолога Джіакомо Бони, который предоставилъ на это дѣло свои средства. Уже теперь получены блестящіе результаты. Прежде всего, Джіакомо Бони доказалъ путемъ изслѣдованій, которыми онъ лично руководитъ, что форумъ, существовавшій до послѣдняго времени, и развалинами коего благоговѣйно любовались путешественники, былъ построенъ вовсе не во времена римской республики или даже имперіи, а развѣ только въ V вѣкѣ по Р. Х. Д. Бони послѣдовательно возстановилъ мостовыя временъ имперіи, и затѣмъ временъ республики. Онъ нашелъ истинное направленіе Via sacra, открылъ жертвенникъ Цезаря, жертвенникъ Весты, домъ весталокъ и фонтанъ Ютурны. Онъ доказалъ, что каѳедра, которую относили до сихъ поръ къ эпохѣ Цезаря, была устроена лишь при Доминиціанѣ. Онъ отыскалъ также настоящую каѳедру Цезаря и, наконецъ, продолжая раскопки, возвратилъ міру классическую ораторскую трибуну, каѳедру временъ республики, трибуну Гракховъ.

Но на этомъ Д. Бони не остановился. Онъ хочетъ найти ключъ къ самой цивилизаціи римской. Онъ желаетъ узнать, кѣмъ былъ основанъ Римъ. Въ текущемъ іюнѣ мѣсяцѣ имъ была открыта возлѣ храма Фаустина первая гробница изъ древняго римскаго некрополя, гдѣ трупы предавались землѣ безъ сожиганія. Въ этой гробницѣ были найдены куски скелета римлянина временъ Ромула. Эта находка даетъ возможность опредѣлить антропологическія особенности первобытныхъ римлянъ.

Жанъ Карреръ, сотрудникъ газеты „Soleil“, отправившійся въ Римъ для того, чтобы присутствовать при раскопкахъ, высказываетъ относительно происхожденія Рима слѣдующее мнѣніе, которое, какъ онъ полагаетъ, подтверждается только что сдѣланными открытіями. „Вся скептически-раціоналистическая нѣмецкая археологія, главою которой является знаменитый Момзенъ, обрушивается съ каждымъ днемъ предъ каменными скрижалями, внезапно появляющимися на свѣтъ Божій. Теперь оказывается, что одни только поэты говорили правду, и что преданія, которыя они обезсмертили своими твореніями, подтверждаются нѣмымъ краснорѣчіемъ монументовъ. Развалины Трои комплектируютъ Иліаду, чудеса Одиссеи цѣликомъ предстаютъ въ недавно открытомъ критскомъ лабиринтѣ, а дворцы Микенъ и Аргоса составляютъ величественныя и несомнѣнныя рамки дляОристейи.—Я всегда былъ твердо увѣренъ въ томъ, что въ вопросѣ о происхожденіи Рима слѣдуетъ болѣе вѣрить Титу, Ливію и Виргилію, чѣмъ Момзену. Внимательно изучая въ подлинникѣ Тита Ливія, я находилъ слова, выраженія, образы, которыя только усиливали мое глубокое убѣжденіе въ томъ, что Римъ, согласно удостовѣренію всѣхъ

древнихъ римскихъ писателей, былъ основанъ выходцами изъ Азіи, утвердившимися среди народцевъ дикихъ или вымирающихъ. Эти воинственные выходцы принесли съ собою начала отдаленной и могущественной цивилизаціи и свой особый религіозный культъ. Были ли то троянцы, какъ говоритъ Виргилій? Почему нѣтъ? Одно несомнѣнно: они пришли изъ мистической Азіи. Все это доказываетъ ихъ одиночество въ Италіи: загадочная настойчивость ихъ политики, ихъ попеченіе о сохраненіи тайнъ ихъ расы, культъ огня, учрежденіе весталокъ, заботливость о томъ, чтобы не быть поглощенными варварскими и чужеземными элементами, борьба аристократической побѣдоносной касты съ первобытной, побѣждаемой толпою, — все, кончая вѣрою въ назначеніе Рима, которая обнаружилась съ первыхъ дней существованія этого города. Случайно сплотившаяся шайка разбойниковъ никогда не могла бы имѣть такой глубокой вѣры. Одна только издревле укоренившаяся традиція могла внушить воинственному меньшинству сознаніе таинственной миссіи. Мнѣ оставалось только найти этому фактическія доказательства. Вотъ почему я немедленно отправился въ Римъ, какъ только узналъ объ открытіяхъ, сдѣланныхъ Джіакомо Бони".

Итальянскій парламентъ въ настоящее время уже согласился на отпускъ денегъ, необходимыхъ для возобновленія древняго римскаго сената, который возвышался между Капитоліемъ и Палатинскимъ холмомъ. Раскопки, которыя будутъ произведены предъ этой постройкой, повлекутъ, несомнѣнно, за собою новыя открытія, имѣющія обогатить собою археологію и исторію.

Этикетъ.

По старинному обычаю, о каждомъ ребенкѣ, родившемся въ испанской королевской семьѣ, должно быть возвѣщено народу: „здороваго" ли инфанта или „здоровую" инфанту послало небо на Пиренейскій полуостровъ. Но разъ случилось, что королева родила слабенькаго мальчика, не прожившаго и двухъ часовъ. Тогда въ „Придворномъ Вѣстникѣ" это событіе было отмѣчено въ слѣдующемъ сообщеніи: „ея величество сегодня ночью въ три часа разрѣшилась отъ бремени здоровымъ инфантомъ, который уже въ 5 часовъ скончался". Издающаяся въ Мадридѣ „Ероса", описывая свиданіе муниципальнаго совѣта Севильи съ Альфонсомъ XII, упоминаетъ, что члены совѣта удалились „облобызавъ ноги его величества". Но было бы ошибочно думать, что почтенные севильяне стали на колѣни и облобызали туфли короля, какъ если бы онъ былъ папой. Но таковъ этикетъ: онъ требуетъ упоминанія о приведенномъ выше обрядѣ, потому что члены муниципіи по рангу стоятъ ниже кортесовъ, а только члены кортесовъ имѣютъ право цѣловать руку короля. И до сихъ поръ при обращеніи къ дамамъ въ письмахъ, и къ королю устно, принято прибавлять B. S. P. (beso sus pies), т. е. цѣлую ваши ноги. Въ обыкновенной корреспонденціи между мужчинами пишется, B. S. M. (beso sus Manos) т. е. цѣлую руки. Но по отношенію къ дамѣ это было бы невѣжливо, а къ королю—верхъ дерзости.

Недолго правилъ Испаніей герцогъ Аостерскій и, какъ извѣстно, вскорѣ отрекся отъ престола, но испанцы не взлюбили его имени за то, что онъ не хотѣлъ достаточно вникнуть во всѣ тонкости сложной церемоніи этикета Эскуріала, а старался даже упростить нравы въ странѣ, гдѣ нищіе умѣютъ съ неподражаемой величественностью драпироваться въ изорванныя платья, и другимъ покровительственно говорить: „sennor caballero". Однажды король заговорилъ съ погонщикомъ ословъ, котораго встрѣтилъ на шоссе. Солнце жгло невыносимо. Король велѣлъ погонщику накрыться. Но онъ совершенно упустилъ изъ вида, что если король даетъ такое изволеніе своему подданному, то этимъ самымъ возводитъ его въ „гранды". Маршалъ Примъ, присутствовавшій при этой сценѣ, поспѣшно выхватилъ изъ рукъ мужика его шапку, наступилъ на нее ногой и предложилъ ему нѣсколько золотыхъ монетъ, но погонщикъ ословъ, смертельно оскорбленный поведеніемъ маршала, съ презрѣніемъ отказался отъ денегъ. Когда спустя нѣсколько дней маршалъ былъ убитъ изъ-за угла, народная молва приписала это убійство погонщику, который такъ легко могъ сдѣлаться „испанскимъ грандомъ". — Въ другомъ случаѣ король Амодей былъ такъ неосторожень, что обратился къ своему конюху на „ты". Къ счастью, конюхъ былъ итальянецъ, но тѣмъ не менѣе одинъ изъ придворныхъ поспѣшилъ напомнить королю, что будь конюхъ испанцемъ, онъ имѣлъ бы полное право считать себя возведеннымъ въ дворянское достоинство. Злополучный итальянскій принцъ никогда не могъ усвоить себѣ того неумолимаго правила, согласно которому испанскій король въ письмахъ подданнымъ не можетъ заканчивать какой-либо дружественной или просто любезной фразой: онъ долженъ писать „Yo, el rey" („я—король").

Этикетъ содержитъ въ себѣ законы, удерживающіе малыхъ отъ великихъ на почтительной дистанціи. Князь Бисмаркъ въ дѣтствѣ отозвался какъ-то о королѣ „старый Фрицъ" и получилъ за это строгій выговоръ отъ отца. „Пріучайся благоговѣйно говорить „его величество" и ты пріучишься благоговѣйно думать о немъ", сказалъ отецъ. Этотъ урокъ послужилъ, повидимому, впрокъ, потому что желѣзный канцлеръ во всю жизнь свою не измѣнилъ всепокорнѣйшему и часто подобострастному обращенію съ монархомъ, такъ что даже заочно онъ выслушивалъ посланныхъ короля не иначе, какъ стоя.

На вѣнскомъ конгрессѣ 1815 г. подробно дебатировался вопросъ о ранговомъ соотношеніи посланниковъ къ придворнымъ чинамъ. Было установлено, что посланники занимаютъ то или другое мѣсто сообразно возрасту и выслугѣ лѣтъ. Исключеніе было сдѣлано только для папскаго нунція, которому было предоставлено первое мѣсто въ дипломатическомъ корпусѣ.

До 1815 года споры между послами изъ-за первенства не прекращались. Очень часто, во время съѣздовъ на балы, прислуга вступала въ рукопашную, отстаивая права своего барина на лучшее мѣсто. Въ 1818 г. французскій художникъ Изабей получилъ заказъ на изображеніе аахенскаго конгресса; возникъ труднѣйшій вопросъ, какъ сгруппировать на картинѣ полномочныхъ участниковъ конгресса, не обидѣвъ ни одного изъ нихъ. Еще труднѣе казалось художнику рѣшить, кого именно поставить въ центрѣ; князь Талейранъ претендовалъ на это почетное мѣсто, и Изабей, въ качествѣ француза, охотно признавалъ было его притязанія справедливыми; но съ другой стороны, выдающееся значеніе въ аахенскомъ конгрессѣ имѣлъ герцогъ Веллингтонъ; Изабей же, будучи очень добросовѣстнымъ мастеромъ, не хотѣлъ уклониться отъ исторической правды. Послѣ долгихъ размышленій Изабей попалъ на счастливую мысль: онъ дѣйствительно нарисовалъ Талейрана посрединѣ, но зато заставилъ всѣхъ дипломатовъ, окружившихъ французскаго министра, устремить взоры на дверь, въ которой какъ разъ показался герцогъ Веллингтонъ.

Въ наше время эти смѣшныя мелочи вывелись, но представители иноземныхъ державъ отстаиваютъ не менѣе энергично привиллегіи, которыми обезпечивается ихъ неприкосновенность; она простирается не только на самого посла и домъ, гдѣ онъ живетъ, но и на всѣхъ, принадлежащихъ къ посольству: оскорбленіе слуги посольскаго равносильно обидѣ, причиненной самому послу. Въ Мадридѣ, въ разгаръ революціонныхъ смутъ, предшествовавшихъ низверженію Изабеллы II, слуги французскаго посла барона Тюрго были избиты. Тюрго съ негодованіемъ сообщилъ своему правительству, что „на спинѣ слуги меня лично сегодня оскорбили"; хотя испанское правительство и не было повинно въ этомъ оскорбленіи, тѣмъ не менѣе, оно принесло оффиціальныя извиненія; слуга же получилъ денежное вознагражденіе.

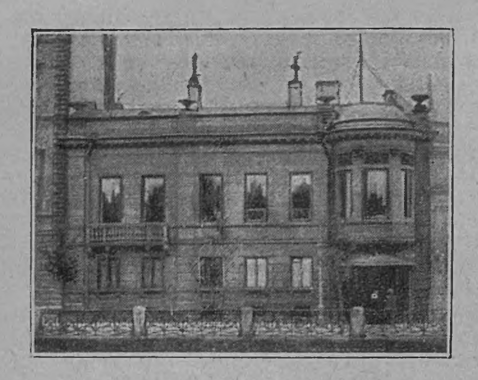
Повидимому, сложность этикета томитъ самихъ монарховъ. Желая сберечь силы и хорошее настроеніе, они предпочитаютъ путешествовать „инкогнито". Этотъ терминъ обозначаетъ, что пріѣздъ коронованнаго лица не долженъ сопровождаться пышными встрѣчами и пушечными салютами, которые неизбѣжны, если монархъ пріѣзжаетъ не „инкогнито". Покойная королева англійская Викторія ѣздила обыкновенно подъ именемъ „герцогини Ланкастерской"; иностранные вельможи не должны были величать ее въ это время „величествомъ", и вообще считалось бы грубымъ нарушеніемъ этикета оказывать ей тотъ почетъ, которымъ она по праву пользовалась, являясь въ качествѣ королевы.

Придворная жизнь слагается изъ тысячи мелочей, которыя въ этикетѣ, однако, считаются весьма важными. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Букингемскомъ дворцѣ былъ устроенъ лѣтній праздникъ (garden party); пріѣзжій американецъ протѣснился сквозь толпу, подошелъ къ королевѣ Викторіи и энергично потрясъ ей руку. Это было, конечно, сочтено верхомъ грубости. Но если бы Викторія въ этотъ день носила имя герцогини Ланкастерской, то американецъ еще грубѣе нарушилъ бы правила придворной вѣжливости, поцѣловавъ у ней руку съ тѣмъ почтеніемъ, которое подобаетъ одной королевѣ.

Второй городъ Америки.

„Чикаго суждено стать столицей Новаго Свѣта. Чикаго—величайшій въ мірѣ свиной рынокъ; величайшій же рынокъ рогатаго скота; центръ пшеничной торговли; всемірная грузовая и узловая станція. Въ Чикаго величайшія въ мірѣ бойницы; величайшіе заводы; лѣсопильни. Чудныя гостиницы. Колоссальныя зданія правительственныхъ мѣстъ. Чикаго—первый городъ въ Америкѣ по величинѣ занимаемой имъ площади, и на всемъ земномъ шарѣ—по работоспособности своихъ элеваторовъ. Величайшіе въ мірѣ заводы для горныхъ орудій; торговыя предпріятія; единственная въ мірѣ розничная продажа. Наибольшій банковый капиталъ въ Америкѣ. Наисовершеннѣйшая система орошенія".

Такъ гласитъ книжка, вручаемая каждому пріѣзжему въ любой гостиницѣ. Не вѣрить ей нельзя: во-первыхъ, Чикаго дѣйствительно поражаетъ своими размѣрами, а во-вторыхъ, жители этого города—народъ до нельзя тщеславный, именно въ отношеніи несравненныхъ качествъ Чикаго; особенно ревнуютъ они иностранцевъ къ Нью-Іорку, постоянному сопернику „королевы Запада". Но отрицательныя стороны чикагской жизни: невыносимые вѣтры и грязь, заставляющія вспоминать о недавнемъ прошломъ

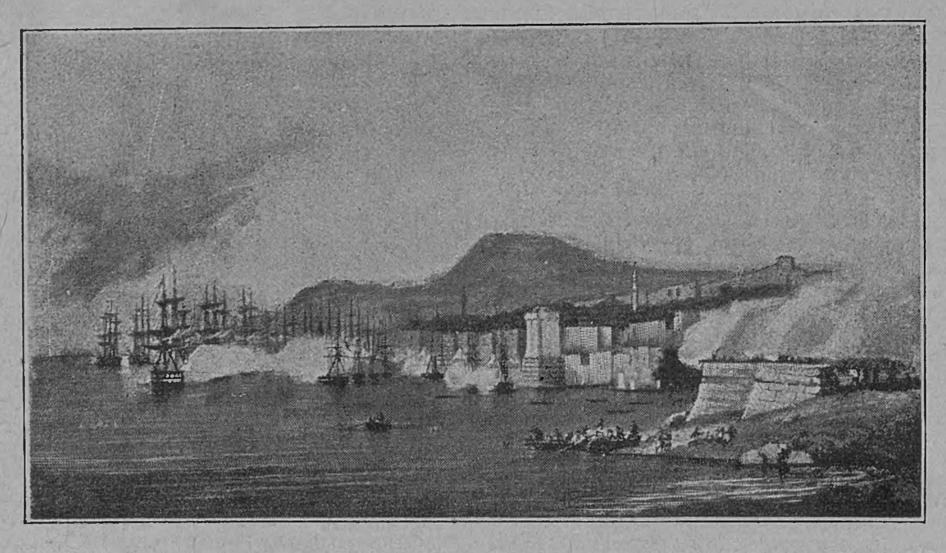

Зданіе итальянскаго посольства въ С.-Петербургѣ, на Мойкѣ.

Со снимка нашего фотографа, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

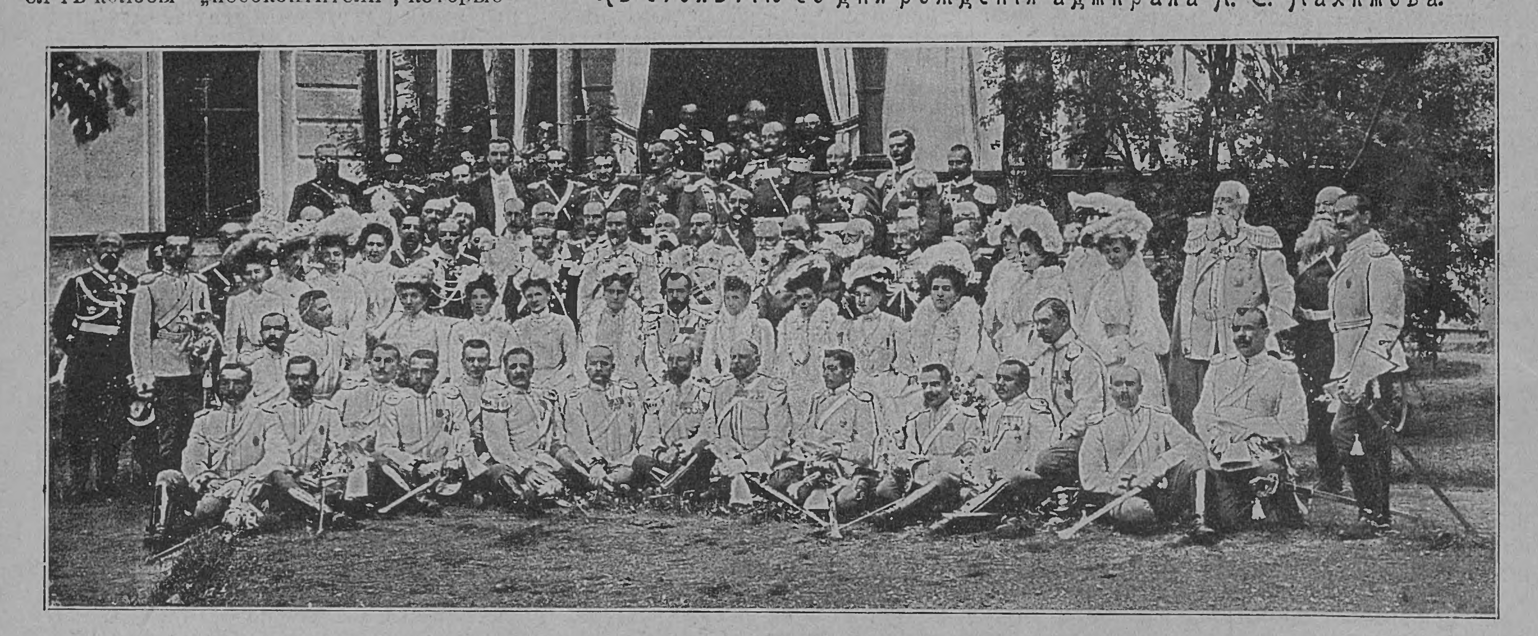
„величайшаго“ города, — прежде жалкой деревни у береговъ Мичигана, — но о нихъ неохотно вспоминаютъ и стараются такъ или иначе замолчать.

Въ Чикаго, какъ и въ Нью-Іоркѣ, высятся тѣ колосы — „небокоптители“, которые

Синопскій бой. — Истребленіе турецкой эскадры, при Синопѣ, эскадрой черноморскаго флота 18 ноября 1853 года.

Къ столѣтію со дня рожденія адмирала П. С. Нахимова.

Его Императорское Величество Государь Императоръ, Ихъ Императорскія Величества Государыни Императрицы и Высочайшія Особы, соизволившія сняться вмѣстѣ съ лицами, присутствовавшими на парадѣ.

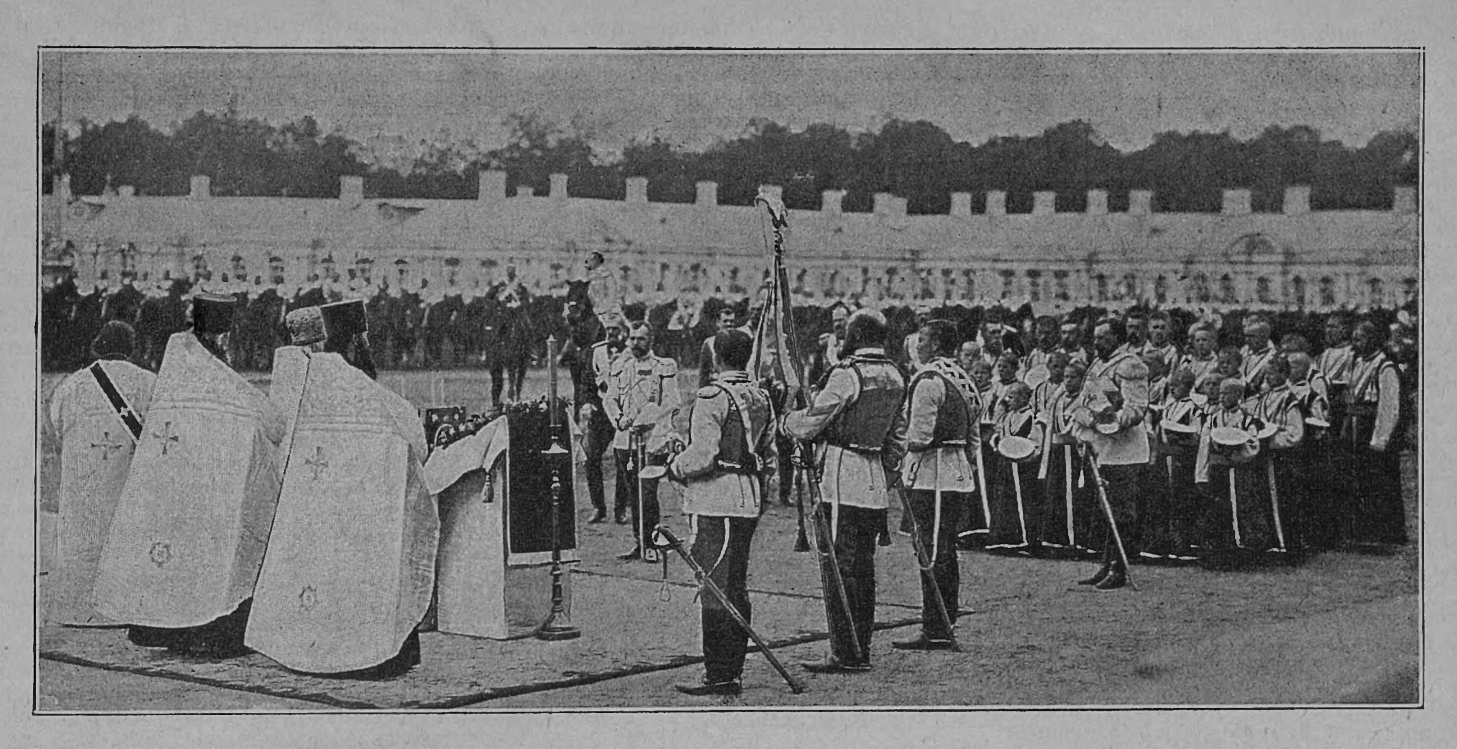
Со снимка нашего фотографа, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Его Императорское Величество Государь Императоръ объѣзжаетъ фронтъ выстроенныхъ въ конномъ строю кирасиръ.

Парадъ лейбъ-гвардіи Кирасирскаго Его Величества полка 21 іюня, въ Царскомъ Селѣ.

Со снимка нашего фотографа, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Молебствіе передъ началомъ парада.

Парадъ лейбъ-гвардіи Кирасирскаго Его Величества полка 21 іюня, въ Царскомъ Селѣ.

Со снимка нашего фотографа, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

мы уже подробно описывали. И здѣсь въ десяткахъ этажей размѣщается одна фирма, или, наоборотъ, въ одномъ домѣ совмѣщается десять различныхъ предпріятій. Изъ трубъ этихъ головокружительныхъ построекъ дымъ такъ и расползается по самому небу; въ сырые дни, слой дыма и сажи покрываетъ городъ; гонимый вѣтромъ онъ порою ползетъ по озеру, и скрывается, наконецъ, въ сосѣднемъ штатѣ. Вдали отъ громыхающихъ, свистящихъ, шипящихъ кварта-

Генералъ Скобелевъ передъ Плевной

Картина Н. Дмитріева-Оренбургскаго.

Къ двадцатой годовщинѣ со дня кончины генерала Скобелева.

Съ фототипіи, изданной П. Болотовымъ въ С.-Петербургѣ.

ловъ расположенъ—спокойный, аристократическій Линкольнъ-Паркъ, гдѣ живутъ милліонеры.

Есть основаніе вѣрить словамъ упомянутой брошюры относительно размѣровъ банковыхъ операцій въ Чикаго. Достаточно взглянуть хотя бы на одни изъ нихъ „First National Bank", съ его шестью этажами и тремя стами служащими. Но шесть этажей уже предназначены на сломку, а вмѣсто нихъ выростутъ полтора десятка другихъ; это расширеніе имѣетъ цѣлью ускорить операціи между отдѣлами и дать возможность всѣмъ служащимъ въ одно время сходиться къ трапезѣ. Въ настоящее время столовой служатъ два огромныхъ зала: для высшихъ и низшихъ служащихъ. Отъ главнаго директора до послѣдняго office boy—всѣ ѣдятъ въ урочный часъ: меню—ежедневно печатаемое — роскошно у высшихъ членовъ, и болѣе чѣмъ сытное у низшихъ. Двадцать минутъ полагается на удовлетвореніе потребностей желудка. На этотъ „ленчъ" банкъ тратитъ ежегодно болѣе ста тысячъ рублей, но они не считаются брошенными безъ пользы; напротивъ, въ такой организаціи проявляется высшая экономія. Этимъ путемъ достигается то, что всѣ служащіе всегда налицо, и при правильной смѣнѣ ихъ за столомъ, нѣтъ задержекъ въ срочныхъ дѣлахъ; между тѣмъ, при иномъ порядкѣ, пришлось бы увеличить составъ на сто съ лишнимъ человѣкъ. Вообще характерная черта американцевъ — никакой расходъ не великъ, если имъ обусловливается повышеніе работоспособности.

На Мичиганскомъ проспектѣ высится огромное зданіе-дворецъ, а въ немъ—величайшая въ мірѣ розничная торговля. Но никогда покупатель не переступаетъ порога этого дворца. Если бы и нашелся такой смѣльчакъ, онъ подвергся бы при входѣ въ величественный порталъ допросу: не мѣстный-ли онъ житель. „Монгомери, Вардъ и К°" не продадутъ на мѣстѣ ни на одинъ рубль. Ихъ предпріятіе имѣетъ назначеніе высылать товары въ провинцію. Ихъ каталогъ состоитъ изъ 1,000 страницъ, снабженъ 25,000 рисунковъ и содержитъ въ себѣ все—начиная органомъ, и кончая булавками, - что только можетъ понадобиться жителю провинціи или владѣльцу отдаленной фермы — для дома, конюшенъ и полей. Не одно описаніе и цѣны товаровъ можно найти въ каталогѣ, но и всѣ почтовыя правила, которыми обставлена высылка; тарифы и сроки; пошлины, гдѣ онѣ у мѣста, и много еще другого. Такъ что надо быть очень несообразительнымъ, чтобы получить не то или не такъ, какъ хотѣлось бы. Во всякомъ случаѣ, стоимость вещи и расходы по пересылкѣ безпрекословно возвращаются фирмой, при малѣйшемъ неудовольствіи покупателя. Ежедневно поступаетъ къ Монгомери 20—25 тысячъ ордеровъ, и нужна идеальная организація упаковочной и экспедиторской части, чтобы ни одинъ заказъ не задержался. Трудно описать картину этой кипучей торговой жизни.

Стоитъ заглянуть въ тѣ огромныя залы, гдѣ вскрываются корреспонденція и посылки, и туда, гдѣ готовятся отправленія, чтобы оцѣнить стройность механизма въ предпріятіи г.г. Монгомери, Вардъ и К° и убѣдиться, насколько мало вѣроятна ошибка или недосмотръ со стороны отправителей. Вотъ, напримѣръ, такая картинка: 230 молодыхъ дѣвушекъ работаютъ на пишущихъ машинахъ; онѣ держатъ ухо у телефоннаго аппарата, и подъ диктантъ *фонографа* записываютъ распоряженія начальника отдѣленія, гораздо раньше переданныя имъ на валикѣ. И за много лѣтъ службы молодыя дѣвушки, быть можетъ, ни разу не видѣли тѣхъ, чьи слова онѣ ежедневно выстукиваютъ въ сотняхъ писемъ. Не правда-ли, это похоже на сказку?

Въ брошюрѣ, исчисляющей несравненныя достопримѣчательности Чикаго, почему-то не значится концертный залъ, вмѣщающій до 7,000 зрителей. Если днемъ войти въ полутемный залъ и взглянуть по сторонамъ и вверхъ—взглядъ затеряется въ шести ярусахъ и сорока рядахъ партера. Если затѣмъ, не жалѣя легкихъ, взобраться на альпійскія высоты „райка" и оттуда всмотрѣться въ зіяющую пропасть оркестра и сцены, голова закружится и родится въ умѣ совершенно основательное сомнѣніе: не есть-ли этотъ залъ превышеніе дѣйствительныхъ потребностей города, утрировка, въ которую впали жители „величайшаго", въ погонѣ за „первымъ въ мірѣ". Можетъ-ли быть, чтобы онъ заполнялся публикой? Нѣтъ, конечно, эти верхи всегда безлюдны и дѣвственно-одиноки, какъ вершины Юнгфрау... Но наступилъ вечеръ. Залъ, въ которомъ даетъ концертъ богемскій Поганини—Янъ Кубеликъ, залитъ свѣтомъ—и народомъ. Ни одного свободнаго мѣстечка. Всюду головы, головы безъ конца. По склонамъ Парнаса, вплоть до высочайшей точки, однѣ головы. Къ этой внушительной картинѣ нужно присоединить мысль о томъ, что даже „послѣдній изъ послѣднихъ" ясно слышитъ нѣжные звуки скрипки, вводящей аудиторію въ величественный міръ прелюдіи Баха.—и надо сознаться: Чикаго, дѣйствительно, имѣетъ право похвастать своими достоинствами и заявить притязанія на имя „короля Запада".

Чикаго,
въ маѣ 1902 г.

К.

Нью-Іоркское гетто.

Среди высокихъ домовъ съ желѣзными рѣшетками въ окнахъ и узкими балкончиками громыхаютъ по мостамъ поѣзда городской желѣзной дороги и чуть ли не задѣваютъ окна убогихъ квартиръ, въ которыхъ видны: бѣлье, развѣшанное для сушки, груды стараго хлама и согбенныя надъ работой фигуры людей. Сажа, выбрасываемая паровозами, насѣдаетъ пластомъ на карнизы и летаетъ по воздуху. Угрюмый кварталъ, населенный исключительно евреями, преимущественно выходцами изъ Россіи; здѣсь средоточіе игрушечнаго производства, штопальщиковъ и ветошниковъ. Скуденъ ихъ заработокъ, такъ какъ прибыль достается большимъ магазинамъ, и трудна работа. Американцы называютъ это „Jweat ng system", т. е. потогонная система.

Евреи, выходцы изъ Россіи и Польши, свято блюдутъ завѣты предковъ и въ урочные часы благоговѣйно творятъ молитвы. Во время одного пожара погибъ старикъ, бросившійся спасать изъ огня свои молитвенные ремни. Да, всѣ старики, и старухи, и подростки—вѣрные хранители отечественныхъ преданій. Въ этихъ кварталахъ царствуетъ жаргонъ,—смѣсь нѣмецкаго съ древне-еврейскимъ, на немъ издается пять журналовъ, выходятъ книги, и обучается юношество. Взрослые оставляютъ гетто и выходятъ изъ него въ общіе кварталы.

Молодое поколѣніе легко усваиваетъ особенности американской жизни; и курьезнымъ представляется контрастъ между ними и стариками. Они составляютъ чрезвычайно ярко выраженный острый республиканскій элементъ и, конечно, на этой почвѣ возникаетъ непримиримая рознь „отцовъ и дѣтей". Жизнь гетто представляетъ подчасъ трагедіи, достойныя пера Лангвиля, автора извѣстной драмы „Дѣти гетто". Гетто имѣетъ и своего поэта, одного изъ талантливѣйшихъ американскихъ лириковъ: онъ пишетъ на жаргонѣ. Родомъ полякъ, Морицъ Розенфельдъ обучался въ Англіи портняжному ремеслу, въ Голландіи — шлифовкѣ бриллiантовъ, а въ Америкѣ чуть ли не искусству тряпичника. До истощенія работалъ онъ, чтобы прокормить жену и четверыхъ дѣтей; потомъ онъ сталъ сотрудникомъ еврейскаго журнала и получалъ нищенскій гонораръ. Въ его стихотвореніяхъ въ яркихъ краскахъ рисуется та эволюція современнаго еврея, которая превращаетъ человѣка съ индивидуальнымъ „я" въ машину безличную, неустанно работающую—для кого? для чего?—никто не знаетъ, ибо машина думать не должна. Въ другихъ стихотвореніяхъ изображается тяжелая жизнь работника, который видитъ своего сына только спящимъ; горькая мысль шевелится у отца: „настанетъ день, проснется сынъ, отца не будетъ ужъ въ живыхъ". Но горечь познанія реальной жизни гетто не порождаетъ въ его поэтѣ безнадежнаго пессимизма: надежда, вѣра въ будущее,—эта яркая особенность еврейской жизни, безцѣнное наслѣдіе Библіи,—не покидаетъ его даже въ самыя тяжелыя минуты. Вѣра въ пришествіе Мессіи, хотя бы въ видѣ свободныхъ законовъ равноправной Америки, поддерживаетъ въ слабыхъ тѣлахъ сильныя души и приноситъ утѣшеніе въ горестныхъ невзгодахъ.

Д'Аннунціо дома.

Молодому французскому драматургу Франсису де-Круаси пришлось посѣтить столь нашумѣвшаго въ послѣднее время творца „Франческо ди-Римини" въ его постоянной резиденціи, близь Флоренціи, виллѣ „Сеттиквана". Едва Круаси остановился у воротъ ея, какъ навстрѣчу ему кинулись четыре огромныхъ охотничьихъ пса. „Сюда, Доковалъ, Мерисса, Бюнделло. Крисса", раздался повелительный голосъ Габріеля д'Аннунціо, и псы послушно отступили; хозяинъ въ гетрахъ и въ крагахъ шелъ навстрѣчу посѣтителю. Онъ ввелъ его въ салонъ, гдѣ былъ накрытъ столъ монастырскаго образца; кругомъ горѣло множество свѣчей, у стола стояла рѣзная скамья, а посреди залы—высокій аналой, на которомъ лежалъ толстый фоліантъ „Сборникъ церковныхъ пѣсенъ". На стѣнѣ красовалась надпись: Габріель Нунціусъ 1498. „Это латинскій переводъ моего имени,—объяснилъ д'Аннунціо, — очевидно, я жилъ еще въ XV столѣтіи, въ эпоху возрожденія". Къ потолку привѣшенъ вѣнокъ изъ лавровыхъ листьевъ съ лентой и надписью: „Per non dormire". На одной изъ огромныхъ голубыхъ досокъ камина виднѣется надпись: „Beatae salamadrae sacrum". Великолѣпный очагъ посвященъ таинственному животному. Три года на этомъ мѣстѣ жила саламандра и, когда она скончалась, Аннунціо похоронилъ ее въ углу очага; тутъ же виситъ искусно сработанный золотой ключикъ отъ склепа саламандры. На письменномъ столѣ, заваленномъ книгами, Круаси замѣтилъ репродукцію знаменитой бронзовой статуетки неаполитанскаго музея, которую считаютъ изображеніемъ Нарцисса; рядомъ со статуеткой помѣщался черепъ. „Двѣ вѣчныя вещи,—шепчетъ Аннунціо, —молодость и небытіе". У входа въ залъ искусно вылитая желѣзная рѣшетка съ гербомъ Висконти, она вся украшена еловыми вѣтвями. „Это мой символъ, - объяснилъ Аннунціо,—когда-нибудь Италія изобразитъ меня съ этой эмблемой". Кругомъ нѣсколько картинъ и бюстовъ, въ томъ числѣ Перрочіо и рѣдкій бюстъ Петрарки.

„Завтракъ еще не готовъ, — замѣтилъ хозяинъ,—пойдемте въ садъ покурить". По дорогѣ пришлось пройти черезъ спальню, гдѣ помѣщалась монументальная кро-

вать и передъ ней подобно часовому возвышалась греко-римская статуя „Возница“, а справа и слѣва на двухъ колонкахъ изъ зеленаго мрамора—Флора и Юнона. „Это для того, чтобы я пробуждаясь видѣлъ вокругъ себя одно лишь прекрасное“. Повсюду статуетки и бюсты, въ томъ числѣ скульптура Донателло „Давидъ“. У окна маленькій алтарь изъ рѣзного дерева, въ стилѣ XV столѣтія. „Здѣсь я каждое утро выкуриваю сигаретту и перелистываю одно изъ изданій Петрарки: у меня они всѣ, такъ какъ съ 15 лѣтъ я влюбленъ въ Лауру“. Вниманіе посѣтителя останавливаютъ на себѣ двѣ женскія фигуры: на одномъ полотнѣ нагая женщина на травѣ освѣщена луннымъ сіяніемъ, на другомъ пастель Ленбаха—Элеонора Дузе со своей плачущей улыбкой; немного дальше Тинторето—два ангела съ поднятыми крыльями и рисунки Альбани. Все въ этомъ покоѣ дышетъ порядкомъ, миромъ и красотой. „Вы должны здѣсь часто видѣть пріятные сны“, сказалъ посѣтитель. „Мои сны всегда прекрасны“, отвѣтилъ Аннунціо.

Съ садовой террасы открывается чудный видъ на Флоренцію. „Не правда ли, — говоритъ хозяинъ,—какой красивый городъ; онъ похожъ на прекрасную женщину. Въ Италіи каждый городъ имѣетъ свою улыбку и свой ритмъ. Я могъ бы Венецію нарисовать съ закрытыми глазами: мнѣ представляется, что Неаполь имѣетъ золотую грудь и красныя, какъ гранаты, губы; Флоренція одѣта въ пышныя одежды, она похожа на юную матрону“...

И вдругъ Аннунціо спросилъ: „а вы любите охоту на кабановъ? Взгляните-ка на мою охотничью лошадь; не правда ли, какой удивительный рыжій цвѣтъ, подобный величественному заходу солнца.— Вы любите верховую ѣзду?—Только ее и люблю.—Значитъ поэзію и ѣзду?—Нѣтъ, только верховую ѣзду. Работа—это мой крестъ.—Но добровольный?—Нѣтъ, я рабъ генія, пробуждающагося во мнѣ каждое утро“. Послѣ нѣкотораго молчанія разговоръ перешелъ на любовь и славу.— „А у васъ есть плодовитый богъ — Викторъ Гюго; всѣ остальные, просто люди, - богъ одинъ“, замѣтилъ Аннунціо.

— А вы, синьоръ д'Аннунціо, человѣкъ или богъ?—спросилъ французъ.

— Я пророкъ,—отвѣчалъ вдохновенно д'Аннунціо.

— Не тяготятъ ли васъ это одиночество и замкнутость?

— Иногда да, но когда я смотрю на этотъ лавровый вѣнокъ, на эти девизы, я не жалѣю ни о чемъ. Во Флоренцію ѣзжу только въ дни скачекъ, впрочемъ, меня часто посѣщаетъ моя божественная подруга Элеонора. Она живетъ въ получасѣ ѣзды отсюда, эта сладостная Элеонора.

— Вы говорите о госпожѣ Дузе.

— Да, я говорю о ней.

„Для нея я написалъ мои двѣ послѣднія трагедіи; онѣ составляютъ продолженіе „Франчески“, „Par Sina“ и „Sigesmondo Malatesta“. Вотъ взгляните на эту медаль съ изображеніемъ кондотьера... Смѣлый профиль, гравированный изъ серебра, задорный носъ, тонкія губы и орлиные глаза. „Онъ былъ хорошъ! — восторгался Аннунціо,—онъ ломалъ о колѣно желѣзное копье; двумя пальцами подымалъ мечъ, который иному и обѣими руками не поднять; ударомъ кулака сбивалъ лошадь, но, при всемъ томъ, въ его улыбкѣ было что-то женственное. О, если бы я могъ быть кондотьеромъ! Впрочемъ, я былъ имъ въ эпоху Возрожденія, а нынѣ сталъ поэтомъ“.

— И жалѣете?

— Конечно, въ тѣ часы, когда солнце купаетъ Флоренцію въ крови и золотѣ. Кровь и золоточудныя краски! Золото и кровь!...

„Что это, болѣзненная мечтательность или искусно разыгрываемая роль?“—думалъ де-Круаси, покидая „храмъ“ новомоднаго пророка.

МОЛОДОЙ КОРОЛЬ.

Въ началѣ каждаго царствованія въ народѣ преобладаетъ оптимистическое настроеніе, и поступки новаго монарха, даже въ мелочахъ, истолковываются всегда очень благопріятно,—въ особенности, если этотъ монархъ еще молодъ и имѣетъ время впереди, чтобы сдѣлаться разумнымъ и справедливымъ правителемъ. Это мы наблюдаемъ теперь въ Испаніи; прошло всего нѣсколько недѣль со дня коронованія Альфонса, а народная молва доноситъ къ намъ вѣсти объ его душевныхъ многообѣщающихъ качествахъ. Во-первыхъ, отмѣчаютъ любовь короля къ военному дѣлу. Воинственный задоръ вообще близокъ испанскому сердцу. Молодой король раннимъ утромъ неожиданно посѣщаетъ различныя части войскъ, расположенныхъ въ Мадридѣ, производитъ тревоги и смотры. Конечно, нашлись недоброжелатели, мелочные умы, которые находятъ въ поступки короля самовольнымъ нарушеніемъ законовъ: хотя король и является высшимъ начальникомъ испанскаго войска, но производить тревоги онъ не имѣетъ права, не предупредивъ заранѣе мадридскаго коменданта. Конечно, на эти нападки ни народъ, ни войско не обращаютъ особаго вниманія.

Еще больше надежды возлагаютъ на ту участливость короля къ неимущимъ классамъ, которую онъ выказалъ, посѣщая самые бѣдные кварталы Мадрида и не гнушаясь интересоваться нуждами народа. На тряпичномъ рынкѣ, такъ называемымъ „Растро“, былъ открытъ недавно памятникъ солдату Элою Гонзагу Гарсіа. Растро представляетъ одну изъ интересныхъ частей испанской столицы, куда повидимому укрылась старинная испанская жизнь, гонимая звонками телефона, электрическими омнибусами и автомобилями. Среди узкихъ грязныхъ улицъ съ развязностью снуютъ типичные испанцы, гордость которыхъ далеко не соотвѣтствуетъ ихъ благосостоянію. Тутъ слаба еще полицейская организація, въ большомъ ходу толедскіе ножи, а по вечерамъ, и ночью разыгрывается не одна кровавая драма, остающаяся нераскрытой. Аристократическимъ элементомъ Растро являются матадоры: имъ завидуютъ мужчины, ихъ любятъ женщины.

Король Альфонсъ присутствовалъ на открытіи памятника солдату Гарсіа. Во время войны на Кубѣ, мятежный генералъ Максимо Гомецъ тѣснилъ испанскій гарнизонъ въ крѣпости Каскоро, обстрѣливая его изъ близъ лежащаго форта такъ удачно, что осажденные чувствовали себя обезсиленными и приготовились уже къ позорной сдачѣ. Вотъ тутъ-то одинъ солдатъ вызвался снять осаду, поставивъ лишь условіемъ, чтобы его обвязали длинной веревкой и вытянули его трупъ обратно изъ рядовъ непріятеля. Подъ покровомъ ночи ему удалось поджечь непріятельскій фортъ, выстроенный изъ дерева и пальмовых листьевъ. Кубанцы бѣжали, Каскоро былъ спасенъ. Герой-солдатъ скончался отъ ранъ и отъ горячки, а благодарные соотечественники рѣшили поставить ему памятникъ въ его родномъ кварталѣ на старинной площади Растро.

ПРЕДСКАЗАНІЕ.

Въ одной изъ парижскихъ газетъ находимъ слѣдующій разсказъ о предсказаніи нашей соотечественницы. Можетъ быть разсказъ и не отличается полной точностью, но онъ во всякомъ случаѣ интересенъ.

„Вечеромъ на Свѣтлое Воскресеніе 1870 года, наканунѣ франко-прусской войны, въ салонѣ княгини Сайнъ Витгенштейнъ, проживавшей въ папскомъ городѣ, собралось избранное римское общество. Среди гостей былъ и монсиньоръ Дарбуа, архіепископъ парижскій. Говорили, что это духовное лицо, поддерживаемое Наполеономъ III, держитъ въ своихъ рукахъ самого папу, верховный совѣтъ, Римъ— словомъ, чуть ли не весь міръ. Въ те время, о которомъ идетъ рѣчь, монсиньоръ Дарбуа былъ предметомъ общаго вниманія и почета. Княгиня Витгенштейнъ держала въ своемъ домѣ русскую дѣвушку, которая получила прекрасное воспитаніе и слыла ясновидящей. Монсиньоръ пожелалъ разспросить дѣвушку, которая въ это время спала въ сосѣдней комнатѣ. Едва, однако, онъ взялъ спавшую за руку, какъ та издала крикъ ужаса, заговорила скоро и смятенно, и, наконецъ, разразилась потокомъ слезъ. Дарбуа просилъ перевести ему бредъ дѣвушки.

— Но это безуміе! въ ея словахъ нѣтъ смысла!—воскликнула княгиня.

— Прошу васъ, переведите мнѣ,—настаивалъ архіепископъ.

— Она говоритъ, что васъ постигнетъ насильственная смерть; что вы предстанете передъ гнусными судьями и мученически окончите жизнь.

Смущенное молчаніе водворилось послѣ этихъ словъ. Но монсиньоръ спокойно отвѣтилъ

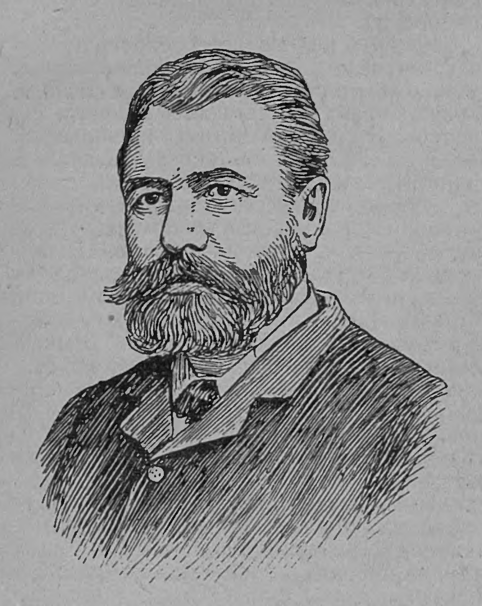
– Лишь бы Господь далъ мнѣ силъ безстрашно умереть,—что можетъ быть лучше такой смерти для епископа?

Прошло тринадцать мѣсяцевъ, и одинъ изъ друзей Дарбуа, помѣстившій нынѣ свои воспоминанія о монсиньорѣ въ парижской газетѣ, получилъ записку, набросанную карандашемъ „D'une cellule de la Roquette: J'attends les assassins. Priez Dieu pour moi. Georges, archevêque de Paris.“ (Изъ тюремной камеры Ла-Рокетъ. Ожидаю убійцъ. Помолитесь за меня. Георгій, архіепископъ парижскій). Монсиньоръ былъ разстрѣлянъ коммунарами вмѣстѣ со многими другими духовными лицами и вельможами имперіи“.

ДОЛГОВѢЧНОСТЬ ВРАЧЕЙ.

Практикующимъ врачамъ приходится ежедневно подвергать свою жизнь опасности, и слѣдовательно, есть основаніе полагать, что процентъ смертности среди нихъ гораздо больше, нежели среди другихъ профессій. Помимо крайняго напряженія силъ, вызываемаго самымъ трудомъ врача, его образъ жизни не отличается правильностью, такъ какъ часы ѣды и сна никогда не могутъ быть урегулированы. Рискъ зараженія тяжкими болѣзнями, какъ тифъ, холера и др., конечно, очень великъ. Вотъ почему долговѣчность врачей исчисляли еще недавно въ такомъ смыслѣ, что въ среднемъ врачъ умираетъ 20 годами раньше священника. Этерихъ утверждалъ, что изъ четырехъ врачей только одинъ достигаетъ 50-лѣтняго возраста, а 60 лѣтъ одинъ изъ одиннадцати. Практика страховыхъ обществъ приводила приблизительно къ такому же результату. Изъ числа заразительныхъ болѣзней тифъ вызывалъ наибольшую смертность между врачами, именно молодыми. Отравленія, несчастные случаи и самоубійство составляли сравнительно незначительный процентъ преждевременныхъ смертей. Въ послѣднія десятилѣтія, однако, условія врачебной дѣятельности стали, повидимому, благопріятнѣе. По вычисленіямъ Виpнбаума, средняя продолжительность жизни нѣ-

Итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ
Принетти,
сопровождающій итальянскаго короля въ его путешествіи въ Россію.

мецкаго врача—почти 58 лѣтъ. По послѣднимъ статистическимъ даннымъ въ Италіи смертность среди врачей такова же, какъ и въ другихъ профессіяхъ. Въ частности, источники недолговѣчности медиковъ—заболѣванія мозгового характера, нервныя болѣзни и неправильности кровообращенія, а на третьемъ мѣстѣ—болѣзни дыхательныхъ органовъ. Въ цифрахъ: первая группа даетъ $1/5$ смертей, послѣдняя—$1/6$—$1/7$; на заразительныя болѣзни приходится не болѣе $1/10$ общаго числа. Интересно отмѣтить, что туберкулезъ среди врачей сравнительно рѣдокъ: только двадцатый изъ врачей страдаетъ этимъ недугомъ, тогда какъ у людей другихъ профессій—процентъ болѣе значительный. Зато душевныя болѣзни даютъ высшій процентъ заболѣваній при занятіи практической медициной, нежели при иномъ трудѣ.

Александръ Дюма.

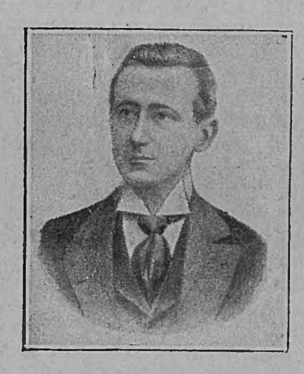
23-го іюня во Франціи, въ Виллеръ Коттре, начались празднества по случаю столѣтія со дня рожденія Александра Дюма.

Дюма род. въ 1802 г. Сначала онъ былъ клеркомъ у нотаріуса, потомъ получилъ мѣсто въ канцеляріи принца Орлеанскаго. Въ 1829 г. онъ дебютировалъ, какъ драматургъ, большой романтической драмой „Henri III et sa cour", имѣвшей блестящій успѣхъ. Затѣмъ Дюма поставилъ на сцену цѣлый рядъ драмъ и комедій (изд. въ 1834—1836 и 1863—1874 гг.) „Christine", „Antony", „Napoléon Bonaparte", „La Tour de Nesle", „Angèle", „Kean", „Mademoiselle la Belle Isle", „Un mariage sous Louis XV" и друг. Въ этихъ многочисленныхъ пьесахъ далеко не все принадлежитъ на самомъ дѣлѣ его перу. Дюма самъ любилъ говорить, что у него было въ теченіе его литературной карьеры столько же сотрудниковъ, сколько было генераловъ у Наполеона. Какова была роль этихъ сотрудниковъ, не разъяснено до сихъ поръ.

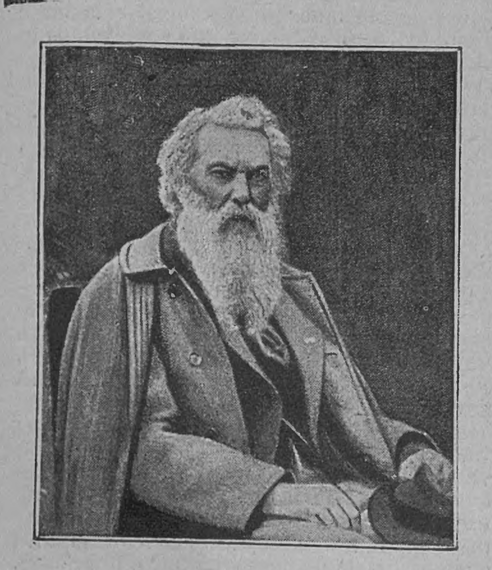

Извѣстный французскій писатель
А. Дюма (отецъ).
По случаю 100-лѣтія со дня его рожденія.
Съ послѣдняго портрета 1870 г.

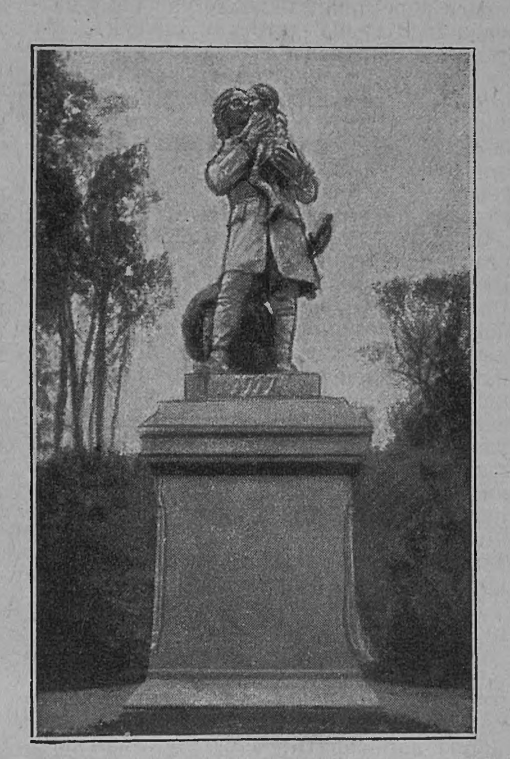
Главный источникъ популярности Дюма кроется въ его безчисленныхъ романахъ, повѣстяхъ, дневникахъ, путевыхъ замѣткахъ и т. д. Онъ написалъ громадное количество томовъ о своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ, причемъ не стѣснялся давать подробнѣйшіе отчеты о путешествіяхъ по странамъ, въ которыхъ никогда не былъ. Нѣсколько процессовъ, возбужденныхъ противъ Дюма, обнаружили феноменально легкомысленное и безцеремонное отношеніе романиста къ своимъ произведеніямъ: выяснено, напр., что онъ выставлялъ свое имя на обложкѣ книгъ, которыхъ онъ даже не читалъ, а въ процессѣ 1847 г. доказано было, что за одинъ годъ Дюма напечаталъ подъ своимъ именемъ больше, чѣмъ самый проворный переписчикъ могъ бы переписать въ теченіе цѣлаго года, если бы работалъ безъ перерыва днемъ и ночью. Лучшимъ романомъ Дюма считается его героическая эпопея о похожденіяхъ трехъ мушкатеровъ. Историческіе романы Дюма столь же фантастичны, какъ и романы похожденій, вродѣ „Монте-Кристо". Въ 1874 году Дюма сдѣлался директоромъ „Théâtre Historique", на которомъ ставилъ много своихъ пьесъ. Старость Дюма была печальна; стѣсненный въ средствахъ и обремененный долгами, онъ умеръ въ уединеніи и бѣдности.

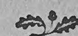
Маркони,
извѣстный изобрѣтатель безпроволочнаго телеграфа.
По случаю предстоящаго пріѣзда его въ С.-Петербургъ.

Извѣстный нѣмецкій художникъ
Фридрихъ Каульбахъ.
По случаю 80-лѣтія со дня его рожденія.

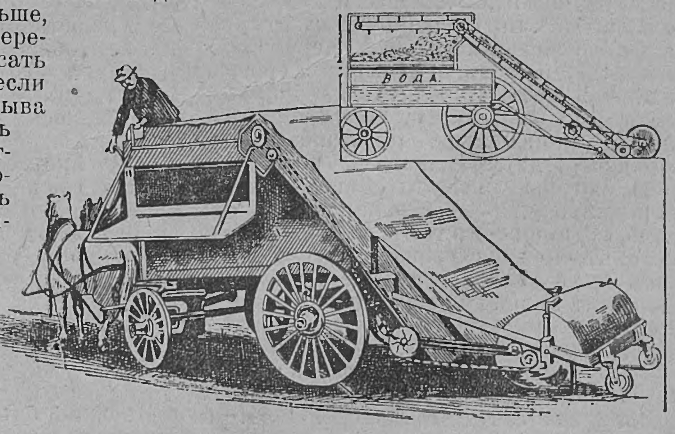

Памятникъ Императору Петру I,
17-го іюня открытый въ паркѣ Стараго Петергофа.
Петръ 1 цѣлуетъ французскаго короля Людовика.
Работа скульптора Беренштама.

Новая система чистки улицъ.

Нашей столицѣ не грѣхъ „немного поучиться"! Въ настоящее время въ Нью-Іоркѣ примѣняется новая очистительная машина, изображенная на нашемъ рисункѣ. Ея главная часть состоитъ изъ вращающейся щетки, которая забираетъ всю уличную пыль въ смежный цилиндръ, откуда она при помощи безконечной цѣпи и системы зубчатыхъ колесъ поступаетъ въ верхній резервуаръ. Изъ резервуара она попадаетъ въ мѣста свалки. Подъ мусорнымъ ящикомъ находится водяной резервуаръ, который содержитъ запасъ, достаточный для поливки значительнаго пространства. Пыль все время проходитъ между герметически закрытыми плоскостями и потому не можетъ проникнуть наружу. Какъ видно на рисункѣ, машина движется силой двухъ лошадей и для управленія ею достаточно одного человѣка.

Машина для чистки улицъ.

Типографія «БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ» (С. М. Проппера). Мѣщанская ул., собств. д. № 25. Редакторъ-издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» С. М. Проппер.